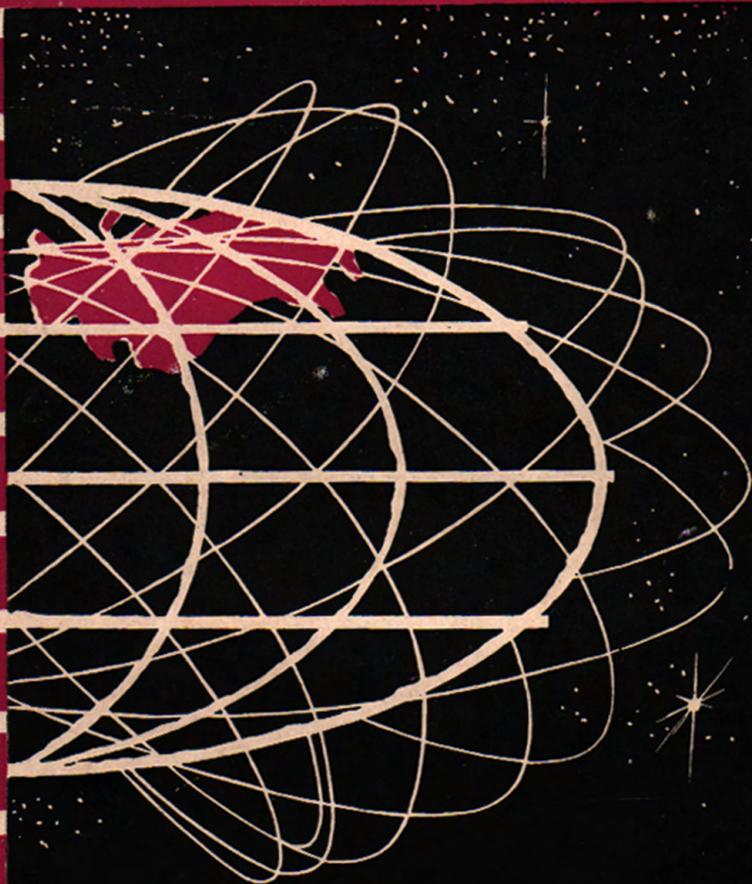

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

Б
И
Б
Л
И
О
Т
Е
Ч
К
А

3.300.000

КИЛОМЕТРОВ

В КОСМОСЕ

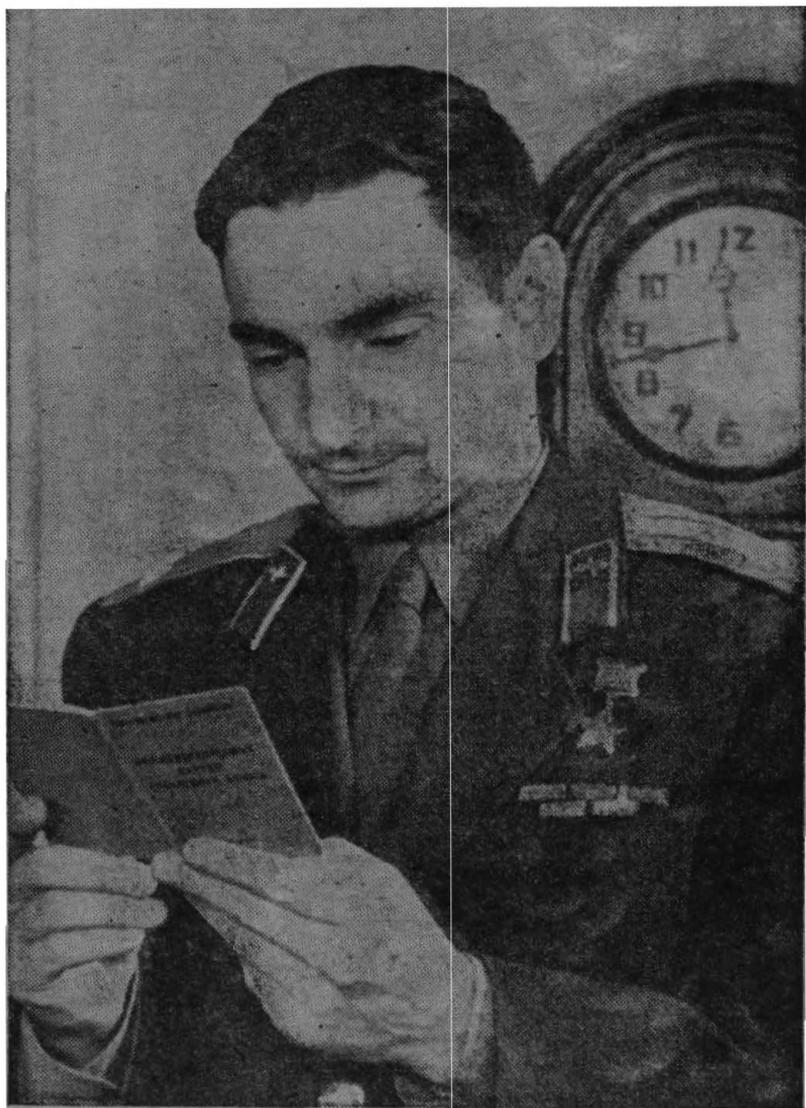
№ 17 (125)

БИБЛИОТЕЧКА «КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ» № 17 (125)

3.300.000 КИЛОМЕТРОВ
В КОСМОСЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАЗЕТЫ «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»

МОСКВА, 1963,

Подполковник В. БЫКОВСКИЙ,
летчик-космонавт СССР,
Герой Советского Союза

3.300.000 КИЛОМЕТРОВ

В КОСМОСЕ

«БЕРЕМ СТАРТ»

Близость космоса я почувствовал в самолете. Нет, ска- залась не высота — к ней привык давно. И не звезды, заглядывавшие в иллюминатор, разбудили мое вообра- жение. Со звездами у меня старое знакомство. Совсем другая причина.

На рассвете мы взлетели с подмосковного аэродрома. Земля спала, мерцали редкие огоньки. Наш самолет — одиночный островок в примолкшем мире. Мне нравится живая земля со всеми ее красками, звуками, ароматами. А тут одна темнота. Но только развернулись, и на наших глазах все изменилось. Под нами уже гирлянды огней, слева разгорается зарево. Это — Москва. Пробудилась она и словно посылала нам теплый привет.

Курс взят знакомый — на космодром. В который раз отправляемся туда! Впервые мы проторили дорожку, когда смотрели пуск «Звездочки», одной из предвестниц полетов человека. Затем провожали Юрия Гагарина, за ним — Германа Титова, в прошлом году — Андрияна Николаева, Павла Поповича. Я со всеми летал. На по- следнем старте был дублером Космонавта-три. Как пи- шет поэт, «один переступил черту. Другому — следу- ющий раз...» Может, теперь и я переступлю черту... Чув- ствовал: впереди меня ждет что-то необычное. Возмож- но, лечу навстречу своей судьбе.

Я сидел в кресле, смотрел в иллюминатор. Кажется,

Литературная запись спецкора «Красной звезды» подполковника
Н. Мельникова.

уже проступало утро. И хотя я люблю встречать рассветы, сейчас было не до того. Подумал о жене: видимо, она долго провожала удаляющийся гул нашего самолета. Прощалась со мной спокойно, старалась скрыть тревогу. Она все понимает. Но от этого ей не легче. Спит, конечно, мой сынишка. Он еще ничего не понимает... Погруженный в свои думы, я не заметил, что на меня смотрят ребята. На своем плече почувствовал чью-то руку. Оглянулся: Юрий Гагарин.

— Берем старт, — громко оповестил он всех, а смотрел почему-то на меня, по-дружески подмигнул: — Именинник в форме?

— Какой именинник? — ответил я Юрию. — Никто меня не назначал в полет.

— Как никто? — удивился он. — Назначили. Все ребята тебе доверяют.

— Ты полетишь, Валера... Твой черед, — заверил меня Андриян Николаев. — А мы — твои помощники.

В том, что я стал таким, какой есть, иначе говоря, способным подняться в космос, — немалая заслуга моих старших братьев, коммунистов. Многому я у них научился. Даже не скажешь, у кого больше. Трудно кому-то отдать предпочтение. Я очень люблю своего друга Андрияна Николаева. Спокойный, верный, мудрый он человек. Вижу, сколько хорошего перенял от него в жизни. Но, может, не меньшее спасибо надо сказать и другим старшим братьям. Это тоже люди высокого духа, высокой партийности. И, конечно, верные в дружбе — в любой момент, не раздумывая, придут на помощь, протянут руку. А когда надо, строго, по высшей мерке спросят.

Многим людям я должен сказать большое спасибо. Они обучили, вырастили меня, подготовили для космического полета. С раннего детства и до сегодняшнего дня вели за собой, были примером для подражания. Это и школьные учителя, и инструкторы аэроклуба, и училищные наставники, и полковые командиры, и космические врачи, и инженеры, и конструкторы кораблей... Всех не перечислишь. Можно обобщить одним словом — коммунисты. Мои старшие товарищи, члены ленинской партии, дали мне крылья для полета в космические дали. Они мне, комсомольцу, оказали доверие. А доверие очень многое значит. Больше, чем мы иногда думаем. Оно дает счастье человеку. Я испытал это счастье,

ДОЖДАЛСЯ!

Ночь перед стартом я провел в домике космонавтов. Уютная комната, окно чуть приоткрыто, веяло свежим ветерком. Только ночью и бывает на космодроме прохлада. Хотя и устал немного, спать не хотелось. Ждал Главного конструктора. Он всегда перед стартом навещает космонавтов. Удивительный человек! Дел у него уйма, предельно занят, а всегда найдет время побыть с нами. К каждому подойдет сердечно, с мягкой добротой, как отец родной. Поговоришь с ним немного — и зарядился на полет. Особенно в ночь перед стартом. Возможно, я тоже ждал его ободряющего слова.

У стенки за столиком дублер и врач играли в шахматы. Шумно играли. Кто-то из них «горел». С портрета, висевшего на стене, с улыбкой на них смотрел Юрий Гагарин. Андриян смотрел на меня, взгляд у него, как всегда, серьезный, как бы спрашивал: «Собрался с духом для полета?» Он не пришел в домик, понимает, что мне надо побыть одному, наедине с самим собой. Самое важное скажет завтра, перед самым полетом. Что, интересно, скажет? В прошлый раз, перед стартом, мы говорили о невесомости. Вместе наметили, как ему действовать: вначале осторожно, затем постепенно входить в мир без веса... Андриян так и делал. Теперь у него большой космический опыт. Видимо, что-то новое подскажет мне. Я прислушиваюсь к каждому слову Андрияна.

Четыре портрета на стене. Четверо космонавтов жили до меня в этой комнате. О чем они думали перед стартом? Конечно, каждый о своем. Юрий Гагарин, по его словам, раздумывал о детстве, о прочитанных книгах, о будущем. Потом обсуждал с дублером Германом Титовым слова Главного конструктора: «Через пять лет можно будет по профсоюзной путевке летать в космос». Еще первый полет не состоялся, а через пять лет откроется регулярное движение, как на пассажирских самолетах. И верили и не верили наши первые космонавты...

Герман Титов перед своим полетом беззаботно читал пушкинскую поэму, увлек даже хладнокровного дублера Андрияна. А потом долго лежал, о чем-то размышляя. «Что, вспомнил о родных?» — спросил врач. «Да нет, думаю, не забыл ли чего», — ответил он. С Андрияном, как я говорил, мы набрасывали программу действий.

Пришел Главный конструктор. С ходу заговорил:
— У нас все готово. Ракета ждет. — Пристально посмотрел на меня, с улыбкой сказал: — Руки, наверное, чешутся — хочется скорее лететь? Считайте, уже дождались.

Главный конструктор, как я понял, не случайно заговорил о моей жажде лететь. Ведь я не один раз готовился к взлету — и вместе с Гагариным, и с Титовым, и с Николаевым... Они улетали, я оставался на земле. В прошлом году Главный конструктор сказал: «Скоро и вас отправим, немного подождите». Затем дополнил: «Учите: с вас, может быть, побольше спросим». Это был намек — готовься к продолжительному полету. Я готовился к нему десять месяцев. На последнем этапе подолгу не был дома. Докладывал только жене: «Приехать не могу. Привет всем домашним». Жена понимала: так надо. Я должен во всеоружии ринуться в космос. Для этого надо одно: труд и еще раз труд. Теперь я мог с полной уверенностью сказать: «Готов!»

Одно короткое слово — «готов», а какой в нем большой смысл! Готовность — это не только физическое состояние, способность перенести космические воздействия. Нет. Это большое понятие. Вернее, сумма понятий. Готов — значит отмотилизован, собрал воедино самое лучшее в себе. Готов — значит стоек духом, выдержишь любой экзамен. Готов — значит приобрел необходимые знания, работоспособность, дисциплину и, конечно, мужество. Готов — значит веришь в свой корабль, в труд ученых, миллионов своих соотечественников, в свой успех. Физическая и душевная готовность слиты воедино, представляют собой крепкий сплав.

НАКАЗ ДРУГА

Последняя финишная прямая — автобус везет меня к стартовой площадке. Рядом со мной — Андриян Николаев, Герман Титов. Чуть в сторонке сидит, улыбается Валя Терешкова. Я по-простецки ей подмигнул, показал на свое место: мол, послезавтра сама тут будешь сидеть, и тебя проведут товарищи... А потом встретимся на высоте. В ответ Валя тоже подмигнула: все, мол, ясно. Пока у нас сигнализация, разговор предстоит в космосе. Есть о чем поговорить! Андриян склонился ко мне:

— Мое мнение такое: в первый день осваивайся с обстановкой, не рвись слишком резко от кресла. Сам понимаешь: невесомость еще не до конца изучена. Привык-

Идет тренировка.

нешь, убедишься в своей силе — действуй смело, без боязни. И еще: выдерживай режим, спи и кушай нормально.

Я кивнул: принято к исполнению. Андриян тоже кивнул: мол, понял. Опять сигнализация! К чему лишние

слова — и так мы хорошо понимаем друг друга. Времени у нас немного — приближаемся к стартовой площадке. Ребята затянули песню: «Давай, космонавт, потихонечку трогай». Это уже стало традицией — к ракете подъезжать с песней. Поют все, кто едет. Выделяется громкий, приятный голос Вали Терешковой. Я тоже громко пою. На душе — невыразимое воодушевление: сегодня я лечу... Настал и мой звездный час.

Прощание. Ко мне прильнул дублер, забавно целуем-ся в гермошлемах. Андриян чуть задержал меня в своих объятиях, шепнул:

— Верю: все будет хорошо. Я частенько буду на связи, поговорим. — И хлопнул рукой по скафандру: — Пошел. Счастливой работы!

...Мою ракету простым глазом уже не заметишь с Земли, она растворилась, стала невидимкой. Только по телевидению меня видят. Как я, интересно, выгляжу? Навалились перегрузки, прижимают к креслу. Как будто держит, не отпускает из своих объятий Земля. Может, вначале я немного поморщился — как-то сразу, без предупреждения меня схватили перегрузки. Я смотрел в это время вниз, любовался открывшимся земным простором. Картина неопишуемая. Небесные братья уже не раз ее рисовали, все, кажется, знакомо и в то же время все ново. Это надо самому видеть, тогда будет сильное впечатление. От восторга крикнул:

— Земля-то какая красивая!

Земля теплым голосом Юрия Гагарина ответила:

— Мы рады, что ты видишь Землю, космос. Работай, дорогой, счастливого тебе пути!

А перегрузки меня не удивили. Скажу прямо, хотя они были и не слабые, но полегче, чем на центрифуге. Там дадут «высшую категорию», жмет немилосердно, только держись. А здесь, при прорыве атмосферной толщи, чувствовал себя вполне терпимо. Видимо, подготовили меня с хорошим запасом прочности. Да и настройка, пожалуй, сказалась. Мои друзья, побывавшие в космосе, говорили: «Взлетать легче, чем спускаться к Земле». Ну, что ж, посмотрим, как будет на спуске.

Скажу еще вот о чем: при перегрузках я работал. И даже без большого напряжения. Проверил показания систем корабля, передал информацию на Землю, наблюдал за сочетанием красок на горизонте... Ни одной секун-

ды не сидел в безделье. Потом, возвратившись на Землю, доложил об этом Юрию Гагарину. Он рассмеялся: «Я имел в виду работу в невесомости. А при перегрузках — это уже в порядке инициативы».

Тяжесть понемногу исчезала, и вдруг разом с моих плеч упала вся многопудовая ноша. Легко-легко я себя почувствовал. Вот она, невесомость! Переход от одного противоположного состояния к другому необычен. Ощущение такое, что тебя будто помяли, а потом мигом расправили, обласкали, освежили живой водой. Во всем теле — приятное облегчение. Прямо-таки самому хочется лететь — крылья, что ли, появились за плечами. И полетел бы, отвязавшись от ремней, да рассудок удерживает: не торопись, пока осваивайся с обстановкой. Я помнил наказ Андрияна Николаева. Он ведь советовал мне сначала вести себя осторожнее с невесомостью. Я еще не знаю, смогу ли с ней ужиться. Впереди — пять суток полета. Я только вышел на орбиту, начинаю полет.

Много я слышал от своих друзей-космонавтов, как «висят» ни к чему не привязанные или «плавают» вещи в кабине. Понятно: они ничего не весят. Мир без тяжести. Но все-таки очень интересно самому видеть, как моя рука повисла в пустоте, как рядом тихонько проплыл карандаш. Берешь его в ладонь без малейшего усилия. А чуть в стороне неподвижно застыл листик бумаги. Подтолкни его, и он, как самолет, летит по воздуху. Когда это сам видишь, впечатление потрясающее.

Первое время я привыкал к невесомости. Так же, видно, как путешественник привыкает к незнакомой земле: на все смотрит широко открытыми глазами, все проверяет и зрением, и на слух, и руками, пробует на «зубок». Со всем хочется поскорее освоиться, но это не сразу удается: слишком необычны впечатления.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Как-то Герман Титов сказал:

— Завидую будущему пилоту-космонавту. У него будет прежде всего исследовательская работа.

Видимо, Герману кажется: в полном смысле космонавт займется исследованиями в межпланетных рейсах. Полетит, скажем, на Луну и, конечно, всерьез займется научной работой. Так, наверное, и будет. Но все-таки я

хочу разъяснить: мы уже и сейчас космонавты-исследователи. Четверо наших небесных братьев уже занимались этой работой. А мне посчастливилось еще больше: с самого начала и до конца полета я вел научные наблюдения. Это уже новое — разведка Вселенной. Новое, конечно, для космонавта. Оружие этих исследований — киноаппарат. Как и мои друзья, я снимал прекрасные космические пейзажи (тут уж никак не удержишься — рука сама тянется к киноаппарату), Землю при восходах и закатах стараясь «схватить» всю гамму волнующих красок... Хотелось ничего не упустить, все, до мелочей, запечатлеть и киноаппаратом, и в памяти.

Я вел визуальные наблюдения. Перед моими глазами была не только Земля. Я смотрел дальше, на созвездия. Они тоже были в сфере моего наблюдения. Далекie миры казались близкими, как только из корабля исчезало Солнце. Крупные, горящие, словно костры. Даже не верилось, что они отдалены от меня на миллиарды миллиардов километров. Я видел их в разное время и не переставал вести за ними наблюдения.

А какое ослепительное Солнце в космосе! Посмотришь на него, чуть приоткрыв веки, — как страшным огнем режет глаза. И все-таки я запечатлел его на пленку. Не раз снимал — можно сделать фотовыставку и назвать: «Солнце, каким оно кажется с корабля». Всяким казался этот великий огонь жизни, потому что я снимал его из разных положений. Не знаю, что получилось, я не претендую на роль признанного киномастера, но очень хочется, чтобы пленка оказалась «впечатляющей», улавливающей все спектры.

Моим кораблем управляла и Земля, и я сам. Все делалось по программе. Наступало время, я ориентировал корабль вручную. Вот когда я чувствовал себя, как говорится, на высоте положения. В моих руках система управления, я полный хозяин, повелевал кораблем, как хотел. Послушный, он легко, свободно управляется. Ориентировать корабль в полете — тоже частица исследовательской работы. Не берусь судить, как я освоил это дело, но опыт приобрел и теперь могу подучить новичков.

В наблюдениях и исследованиях мне помогали и приборы. Они непрерывно посылали на Землю информацию. Как говорят ученые, объем этой информации был гораздо больший, чем в предыдущем полете. На славу поработали трудыги-приборы! Я тоже представлял со-

бой объект для исследований. И в космосе был во власти медиков. Они круглосуточно, даже во время моего сна, следили, как у меня бьется сердце, какой пульс, как я дышу, говорю, действую... Обо всем приборы «докладывали» на Землю.

Во время предыдущего полета космонавтов видели по телевидению. Они даже показывали, как ведут себя вещи в невесомости. Во время одного из сеансов я дежурил на командном пункте. Посоветовал Андрияну:

— Покажи как следует Европе невесомость.

Он улыбнулся, выпустил из рук карандаш, бортжурнал, и они повисли перед ним. То же самое и я делал. Но только, наверное, телезрители разглядели меня лучше — изображение было более четким. Наше космическое телевидение заработало по-земному. И в корабле кое-что изменили — например, кабина освещалась равномерно, как экран в кинотеатре.

Я — КОММУНИСТ

Полетал я сутки, вторые настали. Уже не гостем, а хозяином чувствую себя в космосе, можно сказать, получил прописку на жительство. Уже освоился с необычной обстановкой. Как мне живется? Не гнетет ли космос? Обходителен ли с землянином? Отвечу коротко: там, на высоте, у меня ни разу не терялось бодрое настроение. Чувствую себя спокойно.

Отчего же не быть бодрым? С кораблем «Восток-5» я сроднился, как с живым существом. В нем живешь, как дома — полный комфорт. Точно, как часы, работают все системы. В космосе я не раз с большой благодарностью думал о конструкторах, ученых, инженерах, техниках, рабочих, создавших это чудо нашего времени. Они еще выпустят на звездные орбиты межпланетные корабли. Верится, что это будет в недалеком будущем. У них, конструкторов, резервы неисчерпаемы.

В иллюминаторы корабля я не уставал любоваться нашей прекрасной Землей. Обзор поразительный. Земля видна от края и до края — пестрая от обилия красок, живая, веселая. Частенько я видел Землю с самолета. Никакого сравнения. Там видимость ограничена десятками километров. Из космоса смотришь — перед глазами вся планета. Первые два дня я летал один среди звезд, но был вместе со всеми. Все время слышал голоса това-

ришей, передачи Москзы, отдыхал с музыкой. Даже не знаю, что такое одиночество.

Да, меня не покидало спокойствие. Только дважды я разволновался. От радости, конечно. На втором витке передал радиogramму в Москву, в которой доложил Центральному Комитету партии и лично Никите Сергеевичу Хрущеву о том, что полет проходит успешно. В ответ получил от товарища Хрущева теплое поздравление. Он беседовал со мной и по радиотелефону, очень сердечно беседовал. Долго я потом чувствовал эту теплую душевную волну. И сил прибавилось, и настроение повысилось.

В своей радиogramме я написал: «Мечтаю быть коммунистом нашей великой ленинской партии». 18 июня со мной связался Герман Титов: «Поздравляю, Валера...» И зачитал постановление Центрального Комитета партии о том, что меня приняли в члены великой ленинской партии. Тут уж волнение достигло высшего предела. Трогнут до глубины души. Пытаюсь себя успокоить и не могу. Да разве можно успокоиться? Я — коммунист. В космосе стал коммунистом. Принят непосредственно Центральным Комитетом. Высочайшая честь!

С «ЧАЙКОЙ» ВДВОЕМ

Уже с утра я ждал небесного свидания с Валей. До сих пор у меня были, по выражению Германа Титова, свидания со звездами. Честно скажу: немного волновался. Как она взлетит? Хотя у Вали и сильный характер, подготовлена к полету, но все-таки она женщина. Мужчины привыкли беспокоиться за слабый пол. А тут, как говорится, особый случай. Женщина впервые шагает в космос. Никто до нее не поднимался так высоко. Летали только мужчины. Для нас это уже знакомая дорожка. И можно сказать, проторенная — я поднялся пятым.

С высоты я как бы следил за каждым ее шагом. Смотрю на часы и отмечаю про себя: сейчас она надевает скафандр, садится в автобус, едет... Кто ей, интересно, даст напутствие на дорогу? Юрий Гагарин, опекун Вали, на стартовой площадке — он «связной» с кораблем. Андриян Николаев, видимо, рядом с Валей. Что он посоветует? Может, то же самое, что и мне: «Вначале осваивайся с обстановкой...» Андриян никогда сам не лезет в неизведанное очерта голову и других придерживает. Умница!

Судя по времени, Валя уже заняла место в корабле. Если раньше она и волновалась немного, то теперь наверняка спокойна. По себе знаю: сел на свое место и уже чувствуешь себя, как дома. Все обжито, привычно. Валя пока на земле. А я где лечу? Смотрю вниз — голубая с черноватым оттенком вода. Океан! Пока она ждет в корабле, я успею облететь не один материк, не один океан. Вот какая скорости! Ко всему человек привыкает. И к скорости, конечно. Я не представлял, как бы полетел потихоньку. Это, казалось, невозможно. Благо, скорость не снижалась, да и не могла погаснуть: я опоясывал витками земной шар.

Скоро уже появлюсь над нашей страной. Скоро — это еще через тысячи километров расстояния. Мыслишь космическими категориями. И чувствую, нарастает волнение, как перегрузки при подъеме в космос. Примолк, вслушиваюсь в каждый шорох эфира. И вдруг словно прорвался издалека: «Уже полетела». Удивленный и вместе с тем восторженный голос Вали. Она как бы предупреждала меня: лечу навстречу. Я немного послушал, как она возбужденно докладывает Земле: «Вижу горизонт... Синие, зеленые, желтые оттенки...» Она переживает наивысший восторг в своей жизни. Я тоже его пережил. Нельзя перебивать Валу. Подождал, пока она справится с перегрузками, и, наконец, почти крикнул!

— «Чайка», поздравляю с выходом на орбиту!

— Валера, Валера, слышу тебя, — обрадовалась она.
— Очень хорошо слышу. Как будто ты рядом со мной.

— Конечно, рядом, — подтвердил я.

— Вот и встретились, Валера. Поздравляю тебя с двумя сутками...

Я уже обжился в космосе. С невесомостью нашел «общий язык». Свободно, без какой-либо боязни освоился от привязной системы, плавал по кабине. Так мне понравились «путешествия» по кабине, что с нетерпением ждал каждого сеанса. Показывал их телезрителям. Однажды показали на экране мой обед. Телезрители видели, как я ел жареную телятину, творожную массу, пил черносмородинный сок и воду.

У Вали обед раньше на два часа. Она покушала, отдохнула. Говорит мне:

— Валерий, чтобы тебе не было скучно, я спою песенку.

— Спой, — согласился я.

Изо рта полетели крошки. Забыл, что я обедаю в невесомости. Рассмеялся. Валя услышала (как будто мы в одном помещении), спросила о причине моего веселья.

Объяснил. Она тоже рассмеялась. Валя хорошо поет — голос у нее чистый, звучный. С удовольствием ее слушал. И сам подпевал. Пели мы разные песни — популярные, космические, шуточную, которую сочинили на космодроме журналисты.

И работали мы в контакте. Валя — новичок в космосе, поэтому я иногда консультировал ее, как проводить наблюдения за Луной, созвездиями, за Солнцем. Конечно, и она сама умелый космонавт, но ведь всегда встречается непонятное. Надо обратиться за советом к более опытному соседу. В другой раз обменялись новостями: что успели сделать по программе, что слышали по радио с Земли.

Вначале Валя беспокоилась: сможет ли она управлять кораблем? Одно дело на земных тренировках, другое — взять управление на себя в полете.

Я посоветовал: «Смелее, Валя. Все будет хорошо». Скоро она обрадованно сообщила мне: «Полный порядок». Конструкторы корабля сумели хорошо «подогнать» систему ручного управления к человеку, и она послушна даже девичьим рукам. Валя восторженно говорила: «Удивительно. Такой большой корабль и так легко управляет-ся. Как будто ведешь автомашину».

18 июня, когда стало известно, что я принят в ряды Коммунистической партии, Валя тепло поздравила меня, потом добавила:

— Я очень рада, что сейчас в космосе летают два коммуниста.

Мой приемник был настроен на московскую волну. Редко его выключал, особенно в свободное время. Сижу, слушаю все подряд, что передает Москва. То музыку, то последние известия, то различные беседы. В космосе не отставал от жизни.

И о нашем полете слышал чуть ли не все передачи. Слушала и Валя. Как-то она сказала: «Чувствуешь, какой шум на Земле? Без конца повторяют наши имена. Не слишком ли много о нас говорят?» Я тоже об этом задумывался. Хотя нас и не видели люди на высоте, — только по телевидению показывали, — но мы вдруг оказались у всех на виду. Каждый эпизод из нашей биографии при-

В невесомости.

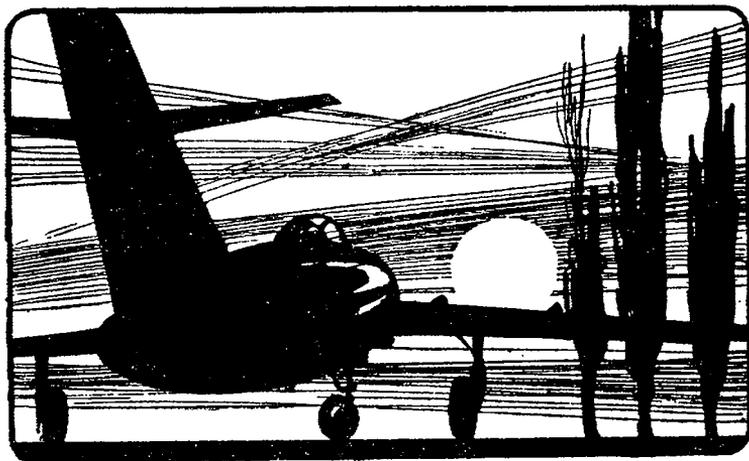
обрел особую значимость. Слушаешь и порой самому неудобно. Зачем, думаешь, об этом рассказывают?

Не в биографиях, пожалуй, дело, а в том, как нас вознесли высоко. Каждому понятно — полет в космос не прогулка за город. От нас, космонавтов, потребовались сила духа, хорошее здоровье, работоспособность, дисциплина, уверенность в успехе. Мы сделали всё, чтобы исполнить свой долг. Но вот что надо сказать: мы не какие-то сверхчеловеки, выдающиеся люди, мы, как и все, — самые обычные, простые советские люди. И не мы одни «виновники» космического успеха. Мы только делим его наравне с другими людьми. А других, тех, кто готовил нас к полету, кто готовил ракету, корабль, очень много. Всем ясно: ракета не могла полететь, если бы не работали ученые, конструкторы, рабочие, инженеры, стартвики. Всем ясно: многие заводы готовили системы, приборы. Значит, успех в космосе — это общий успех всех советских людей.

Какова наша роль, что мы сделали? Образно говоря, мы подняли на вершину пирамиды последний камень. Мы все завершали. Поэтому и оказались на высоте, у всех на виду. Как бы прошли через финишную ленточку.

Конечно, мы узнали высшее счастье. Да, именно высшее, какое, может, человек испытывает раз в жизни. Выйти в межзвездные выси, увидеть из кабины своего корабля сине-голубую кромку родной планеты, почувствовать тепло миллионов человеческих сердец на Земле, до конца исполнить свой нелёгкий долг — разве это не самое большое счастье? И кто его нам дал? Наша родная Советская власть, Коммунистическая партия.

Капитан 3 ранга Н. КОТЫШ.

ЛЕТНОЕ БРАТСТВО

У дороги задумались старые тополя. На некоторых стволах — зарубцованные осколочные раны: тут когда-то шли бои. Рядом — молодые побеги. К ним протянули зеленые руки трехлетки — березы, липы, дубки, осины, клены. Мой собеседник — командир полка кивает на звенящую листвою аллею:

— Думали, не выживут молодые. Но старые прикрыли от суховеев. А сейчас, гляди, как вымахали! Кстати, где-то тут есть посаженные Валерием Быковским...

Комполка говорил о деревьях, а я видел людей, чьи судьбы переплетены, как корни этих посадок. Видел однополчан Космонавта-5, которые в прямом смысле вывели его на орбиту, и сотни знакомых и незнакомых, с которыми сводила судьба на ближних и дальних дорогах. Годы и люди были разные. Но сходились они на одном перекрестке. Имя ему — братство.

Гляжу на комполка. Дубленое ветром, узкое лицо. Нос горбинкой. Глаза острые, цвета вороненой стали. Запрокинув голову, он смотрит в небо. Оно «треснуло». Истребитель исполосовал его инверсией. Командир щурится:

— Черкашин полетел. Друг Валерия. Вернется минут через двадцать — побеседуйте.

Не отрываясь от неба, командир мечтательно рассуждает:

— Вот гляжу и думаю: полетел Черкашин — маленькая точка. Щепка в океане. Брат ты мой, один в таком пространстве. Прикинешь: кажется, самой службой нам уготовано вот такое одиночество. Даже в одном самолете не сидим рядом. А вот, поди, сыщи более близкую дистанцию, чем у нас.

Комполка на минуту задумался и, будто что-то вспомнив, продолжал:

— Вот тут как-то ребята рассказывали о летчике-испытателе Мосолове. После катастрофы он в госпиталь попал. Врачи едва от смерти отвели. Но целебнее всего оказалось наше летное товарищество. Друзья приходили к нему каждый день. Наведывался Генеральный авиаконструктор. Даже дедушка русской авиации Россинский пожаловал. Приносили подарки и космические новости. Юрий Гагарин и Герман Титов. И дело на поправку повернулось. Но лечит не только приятное слово. О, будь здоров, как снимает хворь крепенький спрос! Такой толковый, без амнистии. Вот придешь ты в полк, — командир теперь уже говорил соседу по скамейке, молодому парню, покрасневшему, как маков цвет, — и много тебе покажется не с руки. Там здорово спросили за промедление при сборе в дорогу, тут поругали за рюмку вина. А то совсем неожиданно навалились на тебя целой артелью за какое-то грешное слово. И кто бы подумать мог — свои же ребята, с которыми ты пуд соли съел за одним столом. А все же покипишь душой, поразмылишь, а там, гляди, и в люди выберешься. И если ты по-настоящему прозрел, непременно скажешь спасибо кому надо. И, будь ласка, не вздумай артачиться. Для тебя же горше будет. Обвинят: «Против коллектива пошел», и все такое. И правы будут. А как ты думаешь? Это тоже, брат ты мой, летное братство в действии. Только не хлипкое, розовое, как мусс, а крутое, истинно мужское.

Комполка вновь поворачивается ко мне:

— Вот так и с Валерием. Как он начинал полковую службу? О, брат ты мой, было дело. Нет, нет, без всяких опасных крецов. Но не гладко. По натуре он хлопец бойкий; увлекающийся, с юношеской горячностью. Это, ко-

нечно, неплохо. Но нужна мера. А вот ее-то... Словом, не всегда ему хватало терпения. Загорится невероятной идеей — и, будь здоров, с ходу в лобовую. Ну, приходится учить его и мне, и товарищам. Помню, как-то до неприятного дошло. Купил он мотоцикл и решил со своим другом Киселем обкатать его, так сказать, на маршруте. Взяли карту и тронулись по неизвестным лесным дорогам. Где были, трудно сказать. Но вернулись, гляжу: брат ты мой, грязные, избитые. Мотоцикл тащат на себе. Валерий хромает.

— Обновили? — спрашиваю.

Молчат.

— А как с полетами завтра?

— Да мы ничего... готовы.

Ну, конечно, от полетов пришлось отстранить. А от шумного нагоняя воздержался. Понимал, все это по молодости.

А так Валерий отличался острым умом, упорством. Как летчик все схватывал быстро и накрепко. Его дружки, тот же Кисель Коля, по многим летным делам обращались к нему за консультацией. Он охотно консультировал в любое время. И ценили его. Без него не проходила ни одна полковая свадьба, ни одно сколько-нибудь крупное соревнование, ни одно комсомольское собрание. Он был у нас членом комсомольского бюро эскадрильи. На собраниях выступал редко, но дельно. Меньше говорил, больше делал. Заваривал такую кашу в спорте, что втягивал самых меланхоличных. Вообще он хлопец компанейский. Жить в одиночку не мог. В общегитити холостяков его считали закоперщиком. Песни горланили. Футбол гоняли. На рапирах дрались.

Валерий первым в полку «захворал» фехтованием. До него никто этим делом не занимался. И вдруг где-то закупил рапиры, маски: будь ласка, дерись только. И пошло. Сколько охотников, брат ты мой, нашлось. Кстати, созданная им команда по сей день живет и здравствует. Недавно три наших фехтовальщика взяли пальму первенства на окружных соревнованиях.

Ну, а летал он, дай бог каждому. Помню, раз в такой переплет попал. Нас тут погода не притесняет. Но однажды завернула так, что ахнуть не успели. За несколько минут весь аэродром захлестнуло туманом. А в воздухе находились молодые летчики, которые еще и не нюха-

ли настоящего «минимума». Бывает горше, да редко. Что делать? Запросили другие аэродромы. Та же каргина. Решаем: садиться дома. Тут и бетонка помогает. Трудно садилась молодежь. Со второй, третьей попытки пробилась к полосе. Ну, думаю, как там Быковский. Душа болит. Он был в моем звене. Еще ни разу не встречался с подобным. А тут, будь ласка, хошь не хошь — спускайся на землю грешную. Ну, руководитель полетов одобрил. Мол, давай поспокойнее да повнимательнее. И, знаете, так здорово притер машину, будто сто раз этим делом занимался. Причем с первого захода.

А то полетели мы с ним на «спарке» ночью. Понимаю, не с привычки ему звездная иллюминация. Все никак не уловит горизонта. То и дело кренит машину. Вижу, и до галлюцинации так недалеко. Начинаю потихоньку поправлять, советую больше верить приборам, чем своему чутью. И что вы думаете, переборол себя. Гляжу — все на место встало. И звезды там, где им положено быть, и горизонт выровнялся. Потом так приловчился, что действовал, как днем. В общем с легким сердцем присвоили мы ему второй класс.

Очень толково ходил на перехваты. «Расстреливал» с ходу скоростную цель. И вообще стрелял здорово, особенно по наземным целям. Всегда пятерки привозил. А воздушный бой был его стихией. В хвост ему никто не заходил. Закладывал, брат ты мой, такие виражи. И хоть что. Крепок! Его сердцем доктора восхищались. А вот посмотришь — не богатырского сложения.

Вот только двух вещей недолюбливал — турника и парашюта. И странная штука: легкоатлет, гимнаст и все такое. На сцене выступал в партерной акробатике. Выжимал такие стойки — ахнешь. А турник обходил стороной. Ну, это куда ни шло, можно и без перекладины прожить. А вот без парашюта летчику не годится. Решаюсь на эксперимент. Сегодня, говорю, я прыгну. И не как-нибудь, а на боевом парашюте. А потом вы с Киселем пойдете за мной.

Тот тоже не испытывал особого удовольствия от свободного падения.

Что ж, прыгнул я. Приземлился на бетонку. Тряхнуло, брат мой, порядком. Но иду к подопечным, информирую: так, мол, и так, ваш командир семафор открыл. Жив. Здоров. Прошу на борт.

Полетели. Валерий решил прыгать с боевым. Так, конечно, труднее: скорость снижения побольше, значит, и встряска поострее. Но ничего, расхрабрился. Видимо, самолюбие задело. Прыгнул. Как положено.

...Со звоном над аэродромом пронесся истребитель. Вскоре он коснулся бетонной полосы. Зарулил на стоянку. Из кабины вышел рослый, туго обтянутый высотным костюмом летчик. Снял гермошлем, подошел, поздоровался.

— Вот друг Быковского, — представил не без гордости командир. — Капитан Черкашин. Летчик первого класса, толковый перехватчик, орденом награжден и все такое.

— Вы от Валерия? — сразу оживился капитан. — Он тут к нам два раза приезжал. Не забывает старых друзей.

— Грешно ему забыть, — вставляет комполка. — Мы, конечно, им гордимся. Но и ему не придется за нас краснеть. Увидите — передайте: держим марку. Все его однокашники имеют высший класс. Летаем без аварий. Машины у нас не те, что при нем были. В городе говорят, что мы днем летаем на истребителях, а ночью — на ракетах. Словом, идем с набором высоты. Ну, и ему, будь ласка, пожелайте от нас того же. Пусть только и в космосе от нас не отрывается. Здесь, в авиации, его корень.

— Нет, он не забывает полк, — отвечаю, вспомнив, как Валерий наказывал передать приветы всем, всем, всем.

А еще мне вспомнился один вечер на квартире у Андрияна Николаева. Туда пришли все космонавты — и летавшие, и еще готовившиеся к стартам. Среди них и Быковский. В тот вечер он был особенно весел, потому что в гости к ним нагрянули старые полковые друзья. Шел сердечный разговор. Вспоминали шумные эскадрильские денечки, суровых, но справедливых командиров. Поднимали тосты. И вдруг кто-то из космонавтов произнес:

— Первый тост за боевые полки. За нашу авиацию. Все мы из нее вышли.

Валерий горячо поддержал:

— Самый правильный тост!

Подполковник П. ПОПОВИЧ,
летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза.
Подполковник С. КОВАЛЕВ.

ЗВЕЗДНАЯ ПЕСНЯ

Репортаж с пункта управления

ДЕНЬ 1-й

На табло вспыхивают красные цифры. Это начался отсчет времени в секундах. На борту космического корабля поступает запрос:

— «Ястреб», «Ястреб»! Как слышите? Как слышите меня? Траектория расчетная. Идете хорошо.

И вот над всей планетой звучит голос Космонавта-пять. Голос гражданина Советского Союза подполковника Валерия Быковского. Это он пилотирует космический корабль «Восток-5».

— Слышу вас отлично, — отвечает Валерий. — Самочувствие отличное. Все системы корабля работают превосходно!

Точнейшая аппаратура следит за полетом космического корабля. По данным телеметрических измерений уже известно, что в момент выхода на орбиту пульс у Ва-

лерия был 105 ударов в минуту. А через полчаса пульс стал 78.

Мы подходим к врачу. Один из опытных медиков, он давал путевку в космос всем небесным братьям, летавшим ранее. А теперь вот внимательно «слушает» сердце пятого космонавта.

— Что вы скажете о здоровье Валерия? — спрашиваем врача.

— О здоровье? Крепчайшего здоровья парены! Тут никаких сомнений быть не может. Разносторонний спортсмен, имеет отличную физическую подготовку. По своим физическим данным он не уступает другим нашим космонавтам. Этого достаточно? Я думаю, что да.

Вместе со всеми подходим к телевизорам. На экранах — мужественное лицо космонавта. Он улыбается, жестикулирует, демонстрирует на различных предметах их невесомость. Прекрасно видно, как у него двигаются губы, когда он ведет радиотелефонный разговор.

«Восток-5» проходит над просторами нашей Родины. Подполковник Валерий Быковский передает теплое поздравление советскому народу.

Один из нас, Космонавт четыре, подходит к микрофону.

— «Ястреб!» Я «Беркут», как слышите меня?

— Привет, Паша, слышу отлично!

— Валера! Дома у тебя все в порядке. Валя чувствует себя хорошо, а сын еще лучше. Приехали отец и мать. Я вижу тебя на экране телевизора. Хорошо вижу! Как у тебя дела?

— Все отлично! Лучше не надо!

ДЕНЬ 2-й

— На борту полный порядок! Все системы корабля функционируют нормально. Самочувствие отличное!

Таковыми словами неизменно заканчиваются доклады командира «Востока-5».

Здесь, на пункте управления, ни на миг не прекращается работа. У пультов электронно-вычислительной аппаратуры — дежурная смена инженеров, медиков, связистов. Сколько же таких специалистов, внимательных и заботливых, несущих неусыпную вахту и своим трудом, быть может, не всегда заметным, обеспечивают успешное выполнение программы космического полета!

Утром, придя на пункт управления, первым делом обращаемся к дежурному медику:

— Как отдыхал Космонавт-пять?

Врач указывает на графики и ленты осциллографов, что лежат перед ним на столе, поясняет:

— Здесь все отмечено. К концу седьмого витка, когда в Москве наступила полночь, Валерий пожелал всем спокойной ночи и лег спать. Вот объективные данные телеметрической информации. Видите, пульс ровный. Частота дыхания в норме, температура тоже... В общем, спал хорошо. Сон был глубокий, ровный. Проснулся он в семь утра по московскому времени. Ну, а потом — зарядка, завтрак...

А вот первая радиограмма, которая поступила на борт корабля с началом нового земного дня:

«Доброе утро, Валера! Поздравляем тебя с присвоением внеочередного воинского звания — подполковник».

Такими словами приветствовали Космонавта-пять его друзья по работе. Они же заодно пожелали ему счастливого пути.

Подходим к глобусу. На его поверхности — красные линии. Траекторий орбит космического корабля. Сейчас он пролетает над безбрежными водами Тихого океана. Внизу Галапагосские острова. Слева по борту — Западное побережье Южной Америки.

Вот на экранах телевизоров лицо отважного космонавта. Изображение исключительно четкое. Валерий разговаривает. Настроение у него, судя по всему, хорошее. Он отпускает бортжурнал, и нам видно, как тот плавает в кабине. Затем космонавт говорит:

— В соответствии с программой произвожу отвязывание...

Наверное, каждому хотелось бы самому испытать, что же за штука такая — состояние невесомости. А одному из нас, Космонавту-четыре, тут же невольно вспоминается свой полет. И то удивительное ощущение, которое охватило все существо, когда впервые отстегнулся от космического кресла, перестал чувствовать силу земного тяготения. Нет, словами этого не передашь...

ДЕНЬ 3-й

Время от времени в этом большом зале звучит голос Валерия Быковского: «Все в порядке. Самочувствие отличное!..»

— Еще бы! — с улыбкой замечает врач. — После такого богатырского сна да не быть отличному самочувствию!

Оказывается, накануне вечером Космонавт-пять решил лечь спать пораньше. Что ж, программу дневного полета он выполнил. Можно и отдохнуть.

Правда, в этот раз чуть было не «помешали» — телевидение переключилось на космические передачи. Диктор бодро начал говорить: «Космонавт улы...» — и вдруг занулся. Космонавт-пять преспокойно спал. На студии телевидения случилась заминка. Кое-кто, возможно, даже заволновался.

А вот медики, те, напротив, были невозмутимы. Они посматривали на свои ленты осциллографов — данные телеметрической информации с борта «Востока-5» — и знали абсолютно точно: на борту все в порядке. Сон у космонавта хороший. В свою вторую ночь космического полета он отдыхал девять часов. Пospать он горазд!

— Быть может, это своеобразный космический рекорд? — спрашиваем врача.

— Нет, тут еще надо посмотреть, — полушутя отвечает он. — Андриян здесь вряд ли кому уступит.

Вместе с врачом перечитываем меню первого космического завтрака. Пирожки с колбасой. Пирожки с яйцом. Кофе с молоком. Лимон. Ломтики... Медик предлагает отведать необыкновенных блюд, упакованных в целлофановые пакеты. Вкусно!

Но вот в большой зал направляются члены Государственной комиссии, видные ученые. Среди них — Главный теоретик космонавтики. По их радостным лицам догадываемся, что предстоит что-то весьма интересное. Так и есть! Вскоре объявляется, что принято решение вывести на орбиту новый космический корабль — «Восток-6». Пилотировать его будет женщина-космонавт Валентина Терешкова. Это звучит, как удар грома.

Первая в мире женщина-космонавт! Такого еще не знала история человечества.

ДЕНЬ 4-й

На пункте управления — обычный деловой ритм. У электронно-вычислительной аппаратуры дежурят инженеры, ученые-физиологи, связисты. Они, эти замечательные люди, всегда на вахте. И тогда, когда космонавты работают, выполняя программу космического полета. И тогда, когда «Ястреб» и «Чайка» отдыхают в кабинах своих кораблей. Оттуда, из звездных глубин, непрерывным потоком идет на Землю научная информация.

Мы заглянули к операторам-связистам. И первое, что услышали, было:

— «Ястреб» передавал, что слышал песню «Чайки»...

То была любимая песня советских космонавтов. Песня о жизни и дружбе. О светлой мечте. А нам подумалось, что ведь и ее, Валин, полет — это тоже песня. Радостная, веселая и торжествующая. Гимн нашей Родине, партии Ленина, окрылившей девушку «Чайку».

У космонавтов Валерия Быковского и Валентины Терешковой свободное, в соответствии с программой полета, время. Настроение у них чудесное. Так почему не спеть, когда сама душа поет! И они поют вдвоем.

Земля слушает космос. Из звездных далей поступают добрые вести. Сообщают их наши советские космонавты. Посланцы великой державы Советов. Страны, строящей коммунизм. Утверждающей Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех народов.

ДЕНЬ 5-й

Космонавты передали по радио:

Посылаем пламенный космический привет всем участникам Пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза!

В этот момент мы были в зале пункта управления. И слушали эту радиопередачу Вали Терешковой и Валерия Быковского. А ощущение было такое, будто каждый из них слал добрую весточку родной матери.

Широкая сеть измерительных пунктов непрерывно следит за ходом полета. Кроме телеметрической информации, о работе бортовых систем и состоянии космонавтов в координационно-вычислительный центр регулярно поступают данные орбитальных измерений. По этим данным, автоматически обрабатываемым на электронных

вычислительных машинах, осуществляется контроль за изменением параметров орбит кораблей.

В течение четырех прошедших суток на борту корабля «Восток-5» проведено множество научных исследований, специальных экспериментов, вестибулярных и физиологических проб, наблюдений земной поверхности, ее облачного покрова, звезд, Луны.

Получены важные данные о возможности установления прямых радиосвязей в диапазонах коротких и ультракоротких волн.

Безотказная работа многочисленных приборов и систем корабля «Восток-5» в течение четырех суток свидетельствует об их высокой надежности.

Полковник Ф. ЛУШНИКОВ.

ЗДРАВСТВУЙ, РОДНАЯ ЗЕМЛЯ!

Репортаж с пункта обеспечения посадки кораблей

Все знали, все верили, что наши герои-космонавты, успешно завершив свой небывалый по времени совместный полет, приземлятся благополучно. Ведь наша космическая техника уже успела зарекомендовать себя как самая точная, самая надежная, самая безотказная, а ученые прослыли настоящими кудесниками.

Но не будем лукавить перед своей совестью. В сердце нет-нет да и закрадывалась какая-то маленькая толика беспокойства: а вдруг? Ведь полет-то сам по себе необыкновенный.

Однако стоило хоть минуту побыть на пункте обеспечения посадки космонавтов, как все эти сомнения развеялись, словно дым. Здесь знали, здесь верили, что все будет хорошо, и потому работали с удивительным спокойствием.

Первой пошла на посадку Валя Терешкова. Валерию, как мужчине, как старшему, полагалось ее обеспечивать. Он продолжал еще совершать полет вокруг планеты, а его небесная сестра на своем корабле «Восток-6» уже

входила в плотные слои атмосферы, в объятия родной Земли. Мы знали, как растут сейчас перегрузки, какая неимоверная тяжесть навалилась на хрупкие плечи девушки. Но знали и другое: девушка-то эта необыкновенная, она выдержит, она победит.

Пеленгаторы дают координаты корабля. Специалисты пункта обеспечения посадки с линейками в руках по карте уточняют место приземления. И, довольные, докладывают: все правильно. Точка приземления совпадает с расчетной.

— Выслать на поиски самолеты! — отдает распоряжение руководитель. Проходит какое-то время, и от одного из летчиков поступает доклад:

— Вижу на земле корабль. Рядом с ним Чайка.

Это ласковое имя теперь прочно закрепилось за нашей звездопроходчицей Валей Терешковой.

А вскоре поступил доклад и с земли. Местные жители, первыми увидевшие «Восток-6» в родном небе, уже спешили туда, где он должен приземлиться, нашли возможность связаться с Москвой.

К месту приземления космонавта уже прибыл на своем самолете другой пилот.

— Вижу Космонавта-шесть. Валя жива, здорова и, мне показалось, помахала даже рукой.

Вот этого-то сообщения на пункте ждали больше всего. Наша милая Валя, наша знаменитая космонавтка вернулась из дальних далей живой, невредимой.

А через какое-то время стало известно, что Валя Терешкова уже успела переговорить по телефону с Никитой Сергеевичем Хрущевым.

Итак, первая часть программы выполнена. Теперь надо обеспечить приземление второго космонавта — Валерия Быковского. С кораблем «Восток-5» все время поддерживается связь.

— Все хорошо, все отлично! — бодро радирует Быковский и тут же спрашивает: — А как дела у Вали? — Мы не слышали, что ему передала Земля. Вероятно, поговорила, что Валя приземлилась благополучно. Но нельзя было не обратить внимания на одну деталь: готовясь к труднейшему испытанию — посадке, Валерий Быковский думал прежде всего не о себе, а о товарище,

С космодрома раздается звонок. Говорит Главный конструктор:

— Сообщите состояние «Ястреба».

— Минуточку, товарищ Главный. Только что сообщил прилетевший туда летчик. Он видит Космонавта-пять, тот ходит по земле, к нему мчатся машины, сбегается народ из ближайшего селения.

В это время по другому телефону сообщили:

— «Ястреб» чувствует себя великолепно.

— Быковский чувствует себя великолепно, — передает эту весть руководитель.

— Спасибо, — доносится с другого конца провода. — Благодарю за хорошую работу.

А над местом приземления космического корабля «Восток-5» уже появились другие самолеты и вертолеты. По эфиру летит подтверждение:

— Валерий жив, здоров.

— Отбой! — командует руководитель и впервые за много бессонных суток расправляет усталые плечи. Перестает вращаться огромный глобус, по которому все эти дни и ночи неусыпно следили за полетом двух космических кораблей.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В. Быковский. 3.300.000 километров в космосе	5
Н. Котыш. Летное братство	19
П. Попович. С. Ковалев. Звездная песня	24
Ф. Лушников. Здравствуй, родная Земля!	30

Редактор В. Н. Жуков.

Художник Н. Н. Захаржевский.

Г 98945 Сдано в набор 19.7-63 г. Подп. в печ. 28.8-63 г.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Объем 1 п. л.
Цена 5 коп. Тираж 55000 Заказ 4753

Типография «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 38—40.

